

УДК 321.01; 321.6/.8
DOI: 10.17223/1998863X/63/19

Р.К.Б. Халед

ВЛАСТЬ И ПРАВО: КОНТЕКСТ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В статье описаны различные аспекты всеобщей бюрократизации современного общества, проанализированы их юридические, политические и гносеологические причины и следствия. Обсуждаются проблемы самостоятельности права, роста правовой регламентации социальных отношений и процессов, этатизации социальной жизни и мысли, права на сопротивление власти, феномены «законного неправа» и «надзаконного права», тренды интернализации и демократизации права. Автор обосновывает необходимость детального анализа авторитарных и тоталитарных систем XX в., которые способствовали тотальной милитаризации и бюрократизации общества.

Ключевые слова: государство, власть, право, бюрократия, демократия

В аналитической философии права и эмпирических исследованиях процессов функционирования права показано, что влияние государственной власти на право понижает его эффективность даже в демократических государствах [1]. Этот вывод совпадает с другой констатацией: в недемократических государствах законы и право образуют элементы бюрократического управления [2–5]. Цель статьи – систематизация аргументов такого хода рассуждений.

Право редко бывает самостоятельным фактором социально-политических изменений. Оно обычно отражает социально-экономические, политические и культурные процессы и преобразования, источник которых находится вне системы правовых норм. Право формулирует в качестве обязательных правил поведения то, что спонтанно рождается в сфере социальных отношений или навязывается сверху государственной властью. На эту сферу влияют традиции, экономика, политика, наука, техника, религия. Указанные факторы всегда посредством деятельности отдельных личностей или целых институтов определяли развитие права на протяжении всей истории.

Но большинство людей родилось, живет, приобретает знания о мире, стареет и умирает в рамках определенных стран и государств, которыми правят властвующие группы. Знание об истории властвующих групп своей страны обычно превосходит знания о властвующих группах других стран. Несмотря на это, синтез такого знания сформулировать нетрудно: на протяжении последних ста лет сфера правовой регламентации социальных отношений во всех государствах возросла. Мы будем исходить из этой общей посылки.

Сегодня число нормативных правовых актов внутри государств и в международных организациях насчитывается в тысячах и десятках тысяч. Через эти джунгли трудно пробиться не только обычному человеку, но и профессиональному юристу [6]. Значит, установить границу между правовой и бюрократической регламентацией социальных отношений и процессов становится все труднее. Тем более что веберовская традиция социальной, экономиче-

ской, правовой и политической мысли базируется на постулате: право и бюрократия являются более рациональными, чем традиционное и харизматическое господство.

Такое положение вещей в значительной мере есть результат небывалого расширения функций государственной власти в XX в. По поводу этого процесса существуют разные точки зрения. Однако независимо от выбора одной из них большинство индивидов (независимо от своей воли) вынуждено считаться с огосударствлением социально-экономической жизни и мысли. Эта общая тенденция на протяжении XX в. проявилась во всех странах. Но особенно в тех, в которых возникли авторитарные и тоталитарные политические системы. Первые места среди таких стран принадлежат Советскому Союзу и нацистской Германии [7, 8].

В этих странах политическое насилие переплеталось с систематическим экономическим и идеологическим давлением государственного аппарата на граждан и бюрократической регламентацией их поведения. Поэтому крайне трудно судить сегодня о том, какова доля правовых соображений и бюрократических мотивов в каждом нынешнем законе, не говоря уже о подзаконных актах. Законы и право длительное время в недемократических государствах не были средствами реализации свобод. В них воплощался властный произвол и стремление власти контролировать поведение граждан. В России этот тренд господствует до сих пор и является значимой политической традицией [9, 10].

Для критического отношения к ней требуется сопоставление истории власти России с историями власти других европейских государств [11, 12]. Такое сопоставление показывает, что в Европе обоснование права граждан на сопротивление духовной и светской власти и вытекающее из него право на осуществление народной революции против власти было общим итогом развития религиозной, теологической, философской, правовой и политической мысли на протяжении почти тысячи лет. Тогда как в России это право так и не было сформулировано, хотя предпосылки для него постепенно складывались в народных социальных утопиях и в русском анархизме XIX в. [13, 14]. Однако установление советской власти насильственно прервало эту традицию. Сейчас происходит ее восстановление [1].

На протяжении XX в. законодательства европейских стран подвергались демократизации, хотя этот процесс имел свои приливы и отливы в зависимости от общей международной конъюнктуры и специфики политических режимов конкретных стран. Авторитарные и тоталитарные государства находились вне процесса демократизации. В них возникли феномены «законного неправа» и «надзаконного права», описанные Г. Радбрухом в период, предшествующий их реализации [15]. Проявления данных форм соотношения закона и права в законодательствах различных стран образуют предмет сравнительного правоведения [16].

Другая причина роста правовой регламентации как источника его властно-мотивированной бюрократизации – появление новых сфер человеческой активности. Они могут нести с собой реальные или мнимые угрозы для безопасности индивидов и публичного порядка. Об этом свидетельствует рост в XX в. сферы правовой регламентации. В ее состав входят летное, космическое, информационное, атомное, компьютерное, экологическое, медицинское

и тому подобные виды права. На этой основе возникает множество правовых установлений и бюрократических предписаний, регламентирующих перечисленные виды деятельности. Нынешний бум на тему безопасности – одно из следствий универсального процесса бюрократизации общества.

Из сказанного вытекает, что в начале XXI в. положение в сфере правовой регламентации социальной жизни значительно отличается от начала XX в. На протяжении последних ста лет ликвидированы правовые пережитки феодального общества, реализовано формальное равенство граждан с точки зрения их публичных прав (включая избирательное), отменены законы о различии прав на основе пола, расы, религии, национальной принадлежности. В некоторых странах (США) под названием «афирмативной акции» введены даже правовые привилегии для лиц, находящихся в неравном положении в отношении к другим лицам [17].

На протяжении XX в. упрочилось правовое и идейно-политическое мышление в категориях свободы и прав человека и гражданина. Уже в период Французской революции были сформулированы принципы, содержащиеся во всеобщей декларации прав человека. Однако в национальных законодательствах доминировала категория обязанности (долга, приказа), которую государственная власть возлагала на индивидов. Сегодня эта юридическая (и нравственная) категория постепенно подчиняется идеологии прав субъекта. При этом сфера прав возрастает. Возникло представление об эволюции свобод и прав человека и гражданина, которая включает различные поколения и пространственно-временные модификации. Сформировалась тенденция распространения свобод и прав граждан одного государства на лиц, которые не являются его гражданами.

Отсюда вытекает общий тренд интернационализации права, связанный с разработкой каталога свобод и прав человека и гражданина, которым придается фундаментальное значение в законодательствах демократических государств. Сто лет назад международное право было межгосударственным. Сегодня оно стало межнациональным (в той степени, в которой разрешено противоречие между империей, нацией и демократией) [18] и в этом качестве входит во внутренние отношения конкретных государств. Но этот процесс идет с большими сложностями, поскольку зависит от властвующих групп каждой страны, которые стремятся давать такие толкования всем возникшим коллизиям, чтобы обеспечить свое превосходство над международным правом.

Многие государства признают примат международного права над внутренним правом в том случае, если установления национального права противоречат международному порядку. Это относится не только к свободе и правам человека и гражданина (имеется в виду соответствие между Декларацией прав человека ООН и конституциями европейских стран). Возникло множество различных постановлений, регламентирующих производственную деятельность, услуги, торговлю, культуру, науку национальных частных и публичных субъектов.

Другим аналогичным феноменом может служить уподобление национальных правовых норм решениям, уже принятым в других странах. Иногда это приобретает форму сознательной целостной рецепции права или институтов другой страны. Примером может служить принятие другими государ-

ствами институтов американского уголовного (коронный свидетель, судебный договор) и гражданского (договор лизинга) права.

В том же направлении идет готовность согласования правовых решений на уровне регионов мира. Именно так протекает процесс приспособления национального права государств европейского континента к европейским стандартам – Совету Европы и Евросоюза. Возникло европейское общее право, которое формируется правотворческими и исполнительными судебными институтами Евросоюза. Эти структуры иначе смотрят на традиционную проблему государственного суверенитета, которая на протяжении столетий была неотъемлемым атрибутом независимости государства при становлении и исполнении права [19].

Демократизация права, доминирование идеологии свободы и прав субъекта, интернационализация норм связаны со склонностью современных законодателей к либерализации права. Конечно, это утверждение истинно лишь по отношению к некоторым государствам и периодам их истории в XX в. Но после Второй мировой войны в европейском культурном круге возникла устойчивая тенденция к смягчению правовых норм и суровости санкций. Это выражено в отмене смертной казни и методов следствия, унижающих достоинство индивида. В некоторых современных государствах принципы вынесения приговора и исполнения наказаний полностью подчинены идее ресоциализации исполнителя с отменой таких обоснований наказания, как расплата за нанесенный ущерб или устрашение потенциальных преступников.

Однако либерализация права охватывает преимущественно европейский культурный круг, при этом оно замедляется при движении с Запада на Восток. Но проблемы сравнительного анализа законодательств исламских стран здесь не рассматриваются. Мы описываем либерализацию права европейских стран как производную от происходящих в Европе социально-экономических изменений и изменений обычаев. Ради свободы и уважения к достоинству индивида современное право не налагает санкций на сексуальное поведение, которое прежде считалось преступным и наказывалось (гомосексуализм). В нынешней Европе не существует правительственной цензуры изданий, которая в начале XX в. была распространенным институтом и обосновывалась множеством политических, религиозных и традиционных соображений. Либерализация права в европейских странах привела к легализации аборт и даже некоторых форм эвтаназии.

Первые симптомы всеобщей секуляризации права восходят к XVIII в., а на протяжении следующих двух столетий она полностью вступила в силу. Сегодня для обоснования права почти не используются сакральные аргументы. Они заменены более-менее убедительными политическими, практическими и экономическими соображениями. С другой стороны, религиозные ценности не всегда подлежат защите права. Под его охраной находятся религиозные чувства, свобода убеждений и выбора гражданами образа жизни, а не религиозные ценности сами по себе. Например, в Великобритании не существует формального отделения церкви и государства, но и там светская власть не выступает в защиту духовной власти.

Семья и брак подверглись особенной секуляризации. Широко распространился институт светского брака, появились недоговорные (гомосексу-

альные) и фактические (существующие без правовой формализации) связи, уравнив статус брачных и внебрачных детей.

Развитие информационных технологий способствует правовой регламентации новых средств передачи информации. Интернет все более применяется при поиске собственных прав. Такой поиск включает не только содержание нормативных актов, но и множество судебных решений и доктрин. Это полезно в эпоху лавинообразного роста объема внутригосударственного, международного и европейского права.

Однако из всего сказанного не следует, что изменения государства и права в XX в. были однозначно положительными с точки зрения права и нравственности. Главная проблема такова: является ли современное право более справедливым по сравнению с правом начала XX в.? На этот вопрос невозможно ответить однозначно. И не только потому, что изменились социальные критерии оценки, а также сложились конкурирующие теории справедливости и практика ее реализации.

Главный факт состоит в том, что на протяжении XX в. по указаниям глав государств, под эгидой государств и защитой закона было осуществлено такое число преступлений, что их нравственные, юридические, политические и духовные последствия дают о себе знать до сих пор. Вряд ли они были меньше, чем преступления прошлых эпох. Всемирная энциклопедия преступлений с учетом сравнительных «достоинств» каждого государства в этой сфере пока не составлена. Критерии отбора фактов, событий и словаря для каждой энциклопедической статьи тоже не ясны.

Как оценивать общую эрозию суверенитета государств с учетом их бюрократической тенденции сунуть свой нос во все щели социальной жизни и использования законодательства для достижения этих целей? И почему до сих пор значительные круги общества считают автомат Калашникова средством решения всех политических проблем? Следует ли считать либерализацию, секуляризацию, интернационализацию и расширение права безусловно положительными явлениями? Все они вызывают противоположные реакции и оценки общественности.

На эти вопросы определенного ответа тоже нет. Зато можно утверждать вполне определенно, что требуется детальный анализ авторитарных и тоталитарных систем XX в. Именно они использовали право, законы и государство в преступных целях, уничтожили десятки миллионов людей и до сих пор находят сторонников и поклонников. Они же способствовали тотальной бюрократизации общества и превращению всего социума в полицейское общество [20]. Последствия этих процессов будут ощущаться еще не одно десятилетие.

С одной стороны, кроме демократизации никакой другой альтернативы человечество не изобрело. Значит, все перечисленные тренды (демократизация и гуманизация государства и права, позитивная реакция законодателя на свободы и права человека и гражданина) заслуживают нравственной акцептации. С другой стороны, все эти тренды развивались как элементы тотальной бюрократизации общества, предсказанной Вебером сто лет назад. Противоядия этому процессу тоже пока не найдено.

Возникает вопрос: можно ли эти изменения определить как прогресс, является ли прогресс действительно самостоятельной ценностью и могут ли

считаться демократизация и бюрократизация необходимыми элементами прогресса? Для ответа требуется особое исследование.

Заключение

Таким образом, на протяжении последних ста лет сфера правовой регламентации социальных отношений и процессов во всех государствах возросла. Сегодня трудно установить границу между правовой и бюрократической регламентацией. Веберовская традиция социальной, экономической, правовой и политической мысли укрепляет общий тренд огосударствления социально-экономической жизни и мысли. В законах и правах недемократических государств на протяжении XX в. воплощался властный произвол и стремление власти контролировать поведение граждан. В России этот тренд образует политическую традицию. Она укрепляется различиями между европейским и российским толкованием прав граждан на сопротивление духовной и светской власти и осуществление народной революции.

Причинами и следствиями взаимосвязи правовой регламентации и бюрократизации на протяжении XX в. являются феномены «законного неправа» и «надзаконного права», появление новых сфер человеческой активности и вытекающий отсюда бум на тему безопасности, ликвидация правовых пережитков феодального общества, длительное доминирование в национальных законодательствах категории обязанности над правами индивидов, интернационализация права во всех его аспектах, примат международного права над внутренним правом, пересмотр традиционной концепции государственного суверенитета, либерализация и секуляризация права, развитие информационных технологий.

Все перечисленные тренды вызывают противоположные оценки и не в состоянии решить проблему справедливости. Главный факт XX в. состоит в том, что под эгидой государств и защитой законов было осуществлено громадное число преступлений. Требуется детальный анализ авторитарных и тоталитарных систем XX в., которые способствовали тотальной милитаризации и бюрократизации общества.

Литература

1. Макаренко В.П. Аналитическая философия права: проблемы и перспективы // Вопросы правоведения. Науч. докл. высшей школы. 2002. № 6. С. 10–33.
2. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М. : НИУ ВШЭ, 2010. 136 с.
3. *Право и власть: международные институциональные стандарты в российском контексте* / под общ. ред. И.М. Клямкина. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2013. 156 с.
4. Клямкин И.М. Какая дорога ведет к праву? М. : Либеральная миссия, 2018. 1068 с.
5. Макаренко В.П. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Бюрократия и сталинизм. Политическая инерция: опыт рефлексии. Легитимна ли государственная служба России? Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2019. С. 5–17.
6. Волков В. Государство, или Цена порядка. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 160 с.
7. Арентс Х. Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.
8. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. М. : Независимая газета, 2004. 632 с.
9. Клямкин И., Кутковец Т. Кремлевская школа политологии: как нас учат любить Родину. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2005. 39 с.
10. Шейнис Л. Власть и закон: политика и конституция в России в XXI веке. М. : Мысль, 2014. 322 с.

11. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / пер. с англ. А.А. Олейникова ; под науч. ред. В.В. Софронова. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 431 с.
12. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации / пер. с англ. А.А. Яковлева ; под науч. ред. В.В. Софронова. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 568 с.
13. *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. М. : Наука, 1978. 342 с.
14. *Хархордин О.* Основные понятия российской политики. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 328 с.
15. *Радбрух Г.* Философия права. М. : Международные отношения, 2004. 240 с.
16. *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. 784 с.
17. *Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М. : Языки славянской культуры, 2013. 752 с.
18. *Паун Э.А.* Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М. : Мысль, 2017. 268 с.
19. *Грачев Н.И.* Происхождение суверенитета. Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. Древний мир, Средневековье, Новое время. СПб. : Ленанд, 2018. 320 с.
20. *Хардт М., Негри А.* Субъективные фигуры кризиса // Политическая концептология. 2015. № 1. С. 80–90.

Reefat Kamaleldin Badawy Khaled, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

E-mail: reefat1968@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 194–201.

DOI: 10.17223/1998863X/63/19

POWER AND LAW: THE CONTEXT OF BUREAUCRATIC REGULATION

Keywords: state; power; law; bureaucracy; democracy

The article describes various aspects of the general bureaucratization of modern society and analyzes their legal, political, and epistemological causes and consequences. It also discusses the problems of independence of law, the growth of legal regulation of social relations and processes, etatization of social life and thought, the right to resist power, trends of internalization and democratization of law. According to the research data, over the past hundred years, the sphere of legal regulation of social relations and processes in all states has increased. Given the complexity of establishing the boundaries between legal and bureaucratic regulation, Weber's tradition of social, economic, legal and political thought reinforces the general trend of nationalizing socio-economic life and thought. Throughout the twentieth century, arbitrary power and the desire of the authorities to control the behavior of citizens were embodied in the laws and rights of non-democratic states. In Russia, this trend forms a political tradition. It is reinforced by differences between the European and Russian interpretations of the rights of citizens to resist spiritual and secular power and to carry out a popular revolution. The causes and consequences of the interconnection of legal regulation and bureaucratization throughout the twentieth century consist in the phenomena of “legal wrong” and “supra-legal law”, the emergence of new spheres of human activity and the ensuing boom on the topic of security, the elimination of legal remnants of feudal society, long-term dominance in national legislation of the category of duty over the rights of individuals, internationalization of law in all its aspects, the primacy of international law over domestic law, revision of the traditional concept of state sovereignty, liberalization and secularization of law, development of information technologies. These trends give rise to opposite assessments and fail to solve the problem of fairness. A detailed analysis of the authoritarian and totalitarian systems of the twentieth century, which contributed to the total militarization and bureaucratization of society, is further required.

References

1. Makarenko, V.P. (2002). *Analiticheskaya filosofiya prava: problemy i perspektivy [Analytical Philosophy of Law: Problems and Prospects]. Voprosy pravovedeniya. Nauch. dokl. vysshey shkoly.* 6. pp. 10–33.

2. Varlamova, N.V. (2010). *Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendentsii razvitiya teorii prava* [Typology of legal thinking and modern trends in the development of the theory of law]. Moscow: HSE.
3. Klyamkin, I.M. (ed.) (2013) *Pravo i vlast': mezhdunarodnye institutsional'nye standarty v rossiiskom kontekste* [Law and Power: International Institutional Standards in the Russian Context]. Moscow: Liberal'naya missiya.
4. Klyamkin, I.M. (2018) *Kakaya doroga vedet k pravu?* [Which road leads to the right?]. Moscow: Liberal'naya missiya.
5. Makarenko, V.P. (2019) *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols]. Vol. 2. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University. pp. 5–17.
6. Volkov, V. (2018) *Gosudarstvo ili Tsena poryadka* [State or Order Price]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
7. Arendt, H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Translated from English by I. Borisova. Moscow: TsentrKom.
8. Hobsbawm, E. (2004) *Epokha kraynostey. Korotkiy dvadtsatyy vek* [The Era of Extremes. The Short Twentieth Century]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
9. Klyamkin, I. & Kutkovets, T. (2005) *Kremlevskaya shkola politologii: kak nas uchat lyubit' Rodinu* [The Kremlin School of Political Science: How We are Taught to Love the Motherland]. Moscow: Liberal'naya missiya.
10. Sheinis, V.L. (2014) *Vlast' i zakon: politika i konstitutsiya v Rossii v XXI vekak* [Power and Law: Politics and Constitution in Russia in the 21st Centuries]. Moscow: Mysl'.
11. Skinner, K. (2018) *Istoki sovremennoy politikoy mysli: v 2 t.* [The origins of modern politics of thought: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from English by A.A. Oleykov. Moscow: Delo RANEPА.
12. Skinner, K. (2018) *Istoki sovremennoy politikoy mysli: v 2 t.* [The origins of modern politics of thought: in 2 vols]. Vol. 2. Translated from English by A.A. Oleykov. Moscow: Delo RANEPА.
13. Klibanov, A.I. (1978) *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii* [Popular Social Utopia in Russia]. Moscow: Nauka.
14. Kharkhordin, O. (2011) *Osnovnye ponyatiya rossiiskoi politiki* [Basic concepts of Russian politics]. Moscow: NLO.
15. Radbrukh, G. (2004) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
16. Marchenko, M.N. (2015) *Sravnitel'noe pravovedenie* [Comparative Jurisprudence]. 2nd ed. Moscow: Prospekt).
17. Guboglo, M.N. (2013) *Antropologiya povsednevnosti* [Anthropology of everyday life]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
18. Pain, E.A. (2017) *Natsiya i demokratiya: perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziem* [Nation and Democracy: Prospects for Managing Cultural Diversity]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
19. Grachev, N.I. (2018) *Proiskhozhdenie suvereniteta. Verkhovnaya vlast' v mirovozzrenii i prak-tike gosudarstvennogo stroitel'stva traditsionnogo obshchestva. Drevniy mir, Srednevekov'e, Novoe vremya* [The origin of sovereignty. The supreme power in the worldview and practice of state building in a traditional society. Ancient world, Middle Ages, Modern times]. St. Petersburg: Lenand.
20. Hardt, M. & Negri, A. (2015) Subjective figures of the crisis. *Politicheskaya kontseptologiya – Political Conceptology*. 1. pp. 80–90. (In Russian).